

БЛУДНИЦА

Кн. 2

ОБРАТНАЯ СТОРОНА

ОЛИВИЯ КРОСС

18+

Оливия Кросс

Обратная сторона

<https://litres.ru/74019314>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она должна была стать удобной жертвой. Смиренной, плачущей, просящей пощады. Вместо этого Аньес входит в зал инквизиции с прямой спиной и опасно честным желанием — не спастись, а победить.

«БЛУДНИЦА» — вторая книга цикла о женщинах, чья невидимая правда меняет историю сильнее любых догматов.

Средневековая тюрьма, сырой камень, луковый суп и гуси, от которых судья боится больше, чем костра. Инквизитор, который «давно не верит в чистоту суда», но продолжает своё ремесло, потому что боится пустоты без власти. И Аньес, которая наслаждается собственной правотой не меньше, чем он — своей властью.

Это не роман о святой мученице и кровожадном палаче. Это история о том, как легко вера превращается в тонкую форму гордыни, как приятно ощущать себя духовно выше тех, кто дрожит у костра, и как страшно признать это за минуту до огня.

О "наслаждении" правотой, цене честности и о том, что происходит, когда и судья, и обвиняемая впервые видят: оба они рабы одной и той же гордыни.

Оливия Кросс

Обратная сторона

БЛУДНИЦА

Книга 2

Глава 1. Прах

Запах тюрьмы был тяжелее камня.

Сырую, гладко вытертую ногами плиту ещё можно было не замечать, пока не оступишься. Шершавые стены из тёсаного камня — тоже. Но воздух, застоявшийся под низким потолком, был вездесущ: остывший дым, кислый пот, моча в углу, прогоркший жир вчерашней похлёбки и над всем этим — сладковатая, ни с чем не спутаемая нота страха, который уже несколько дней не выпускали на улицу.

Аньес сидела на нарах, прижавшись спиной к стене, и считала вдохи не свои — чужие. В общем помещении дышали по-разному: одна женщина цепляла воздух коротко, с тихим

посвистом в груди; другая тяжело выдыхала, каждое «xxx» звучало как сдержанный стон; третья шмыгала носом, всхлипывая на каждом втором вздохе. Если долго слушать, этот хор превращался в единый гул. Но стоило выхватить один голос — и к нему прилипало лицо.

Собственное дыхание казалось чужим. Слишком ровным для места, где ждали суда. Слишком послушным.

— Ты опять считаешь? — спросила соседка по нарам, морщинистая, с обвисшими щеками женщина, которую все звали Тёткой, хотя никто не знал её имени.

Аньес дернулась, не сразу поняв, о чём речь.

— Вдохи, — пояснила та, криво усмехнувшись. — Когда ты губы так сжимаешь, у тебя подбородок дергается. Значит, считаешь.

— А что ещё тут делать? — тихо ответила Аньес, не открывая глаз.

Считать чужое дыхание помогало не слушать своё сердце. Сердце билось слишком спокойно, как будто не знало, где находится. Как будто в нём не жили ни страх, ни покаяние, ни отчаяние — только холодное, аккуратное ожидание.

Её спокойствие раздражало соседок не меньше, чем центрального стражника.

— Эта, видали, как сидит? — уже успели шепнуть о ней в первый же вечер. — Как на службе, а не в тюрьме.

Она действительно сидела слишком прямо. Спина, привыкшая выпрямляться на проповедях, не умела скручиваться в комок. Даже когда хотелось.

Слева кто-то фыркнул. Это молодая, с тонкими руками девушка — её обвиняли в том, что она «слушала не тех» — в очередной раз пыталась устроиться удобнее на жестких досках. Доски впивались в бедро, в плечо, в затылок. Как ни поворачивайся, всё равно будет больно.

— Слушай, благочестивая, — вполголоса сказала Тётка, наклоняясь ближе. — Они сегодня опять приходили. Списки читали. Завтра — допрос. Ты в первом ряду.

«Благочестивая» — прозвище, прилипшее к Аньес со второй ночи. Сказывалось всё: и то, как она складывала руки на коленях, и то, как смотрела на потолок, словно там вместо сажи небеса, и то, как не плакала.

— В первом — так в первом, — ответила она, чувствуя, как уголки губ сами пытаются приподняться. Привычка — обернуть любую новость словесной покорностью. — Ребёнком я тоже любила отвечать первой.

«И сейчас тоже», — добавила про себя — честнее, чем вслух.

Тётка причмокнула языком.

— Они тебя захотят сломать красиво, — заметила с какой-то почти профессиональной наблюдательностью. — Такие, как ты, им особая радость. У кого всё на лице написано — с теми скучнее.

«Красиво» — это значит долго. С вопросами, обвинениями, паузами, в которых ждут: падёшь на колени или будешь стоять.

Думать об этом сейчас казалось слишком прямолинейным. Вместо этого взгляд упёрся в противоположную стену, где в трещине, под самым потолком, торчала крошечная травинка, каким-то образом ухитрившаяся прорости сквозь камень. Слабый луч света из крошечного окошка под потолком касался её кончика, делая его чуть ярче общей серости.

— Ты слышишь? — вдруг шёпотом спросила одна из женщин у двери.

Несколько голов повернулось сразу. Но слышно было только привычное: шаги стражника по коридору, далёкий стук где-то наверху, бряцанье железа.

— Пахнет луком, — добавила та же.

И правда, сквозь сырой, затхлый запах тюрьмы прорезался иной — жареный лук, томящийся в воде. Тёплый, знакомый, домашний. С кухни, значит.

— Суп варят, — констатировала Тётка. — Наш, может, нам. Может, им.

От этого «нам — им» в воздухе стало чуть плотнее. Еда в этих стенах была не только пищей, но и мерилom: кому сколько, кто достоин, кто наказан голодом.

— Наверху спорят, — продолжала та, что у двери, одно ухо которой, казалось, было рождённым для того, чтобы слышать через камень. — Про соль. Не так положила. Орут.

Сквозь грубость этих слов пробился другой нюанс: наверху тоже люди. Те, кто потом будут задавать «высокие» вопросы о вере, сейчас ругаются из-за соли.

— Про луковый суп всегда дерутся, — хмыкнула Тётка.
— У каждой свой рецепт.

— А у тебя? — машинально спросила Аньес.

Женщина пожала плечами.

— Лук, вода, щепотка соли, терпение. — Помолчала и добавила: — И чтобы никто не мешал.

Они на несколько ударов сердца замолчали, словно пробуя на вкус саму возможность говорить не о кострах, а о супе. В этой крошечной паузе тюрьма перестала быть только местом ожидания суда. Стала чем-то наподобие слишком тесной, слишком шумной, но всё же кухни, где жизнь ещё продолжается.

— Если нам достанется тот суп, — тихо произнесла молодая с тонкими руками, — я бы хотела поспорить о том,

как его варят. Хоть раз.

— Еще будет, — отмахнулась Тётка, но в голосе её уверенности не было.

Аньес уловила, как её собственные губы уже собираются произнести что-то подобное: «и это тоже дар, что мы ещё спорим о луке». Но прикусила язык. Слова утешения звучат фальшиво, если в глубине души наслаждаешься тем, что стоишь выше других в готовности умереть.

В груди поднялось то самое сладковатое чувство, знакомое по исповедам: странное удовольствие от собственной «готовности». От того, что она не рыдает, не торгуется, не давится страхом. От того, что внутренне уже примеряет к себе образ мученицы — ровной, достойной, с прямой спиной.

«Я лучше их», — честное, мерзкое признание подкатило к горлу. «Лучше тех, кто будет трястись завтра в ожидании костра. Лучше тех, кто продаст, отречётся, подпишет». Это «лучше» было как глоток крепкого вина: обжигающе-приятное, дающее силы выпрямиться ещё сильнее.

В это мгновение в проёме двери загремел ключ.

Железо по камню — резкий, режущий звук. Стражник, тот самый, рыжебородый, с густыми, как у пса, бровями, высунулся в проём.

— На допрос, — бросил коротко. — Первая.

Он не называл имён. Ему казалось очевидным, кто «первая».

По телу пробежала лёгкая дрожь — не от страха, от остро-го, почти радостного понимания: вот он, выход на сцену. Глаза десятков людей, вопросы, протокол, в котором её слова останутся — или будут вычеркнуты.

Тётка поймала её за запястье — крепко, неожиданно.

— Слушай, благочестивая, — прошипела, глядя прямо в глаза. — Не дари им радость думать, что ты им служишь своим стоянием. Не им. Поняла?

Слова были грубыми, как камень, на котором сидели. Но в них было то, чего сама ещё не успела сформулировать: опасность того, что собственная стойкость станет для судей таким же наслаждением, как для неё самой.

Аньес кивнула — не совсем понимая, как это «не дарить». И всё же кивнула. Отняла руку.

Когда поднялась, ноги неожиданно выдали предательство: колени стали мягкими. Не от ужаса, от привычки тела дрожать перед важным. Сколько раз так было, когда вызывали к исповеди, когда читала вслух древние тексты перед общиной. Сейчас всё похожее, только ставки иные.

Проход к двери был узким. Вдоль стен спящие, полусидящие, молящиеся женщины сдвинулись, открывая коридор. На них, выстроившихся вдоль этой линии, она не смотрела — не позволила себе. Смотрела вниз, на камень.

Плита за плитой. Трещина. Пятно влаги. Кусочек кости, застрявший между двух каменных блоков. Обрывок нитки. Каждая мелочь была как знак: здесь уже кто-то проходил. Здесь уже кто-то стоял. Здесь уже чья-то судьба решалась.

У порога тюрьмы в нос ударил более свежий воздух. Коридор вёл наверх, к лестнице. На ступенях пахло иначе: камень, тянущий сыростью, смешивался с привкусом металла и какого-то травяного дыма — возможно, из курильниц в зале суда.

— Идём, — подтолкнул стражник, не грубо, но без лишних церемоний.

Ступень за ступенью тело поднималось к свету. Свет резал глаза после полутёмной камеры; приходилось щуриться. Сердце, до того бьющееся ровно, теперь ускорило ход, как и положено перед выходом в пространство, где будут решать, сколько тебе осталось.

У двери зала допросов, толстой, дубовой, с железными по-

лосами, рыжебородый притормозил, глянул на неё чуть внимательнее, чем прежде. В этом взгляде было и профессиональное любопытство («посмотрим, какова ты будешь внутри»), и едва заметная человеческая усталость.

— Боишься? — спросил коротко — то ли ради протокола, то ли ради разговора себе.

— Я много раз думала о смерти, — ответила она, удивляясь, как твёрдо звучит голос. — Посмотрим, как думала.

Если бы она могла услышать себя со стороны, то, возможно, поморщилась бы: в этих словах было позёрство. Но в момент произнесения фраза казалась честной, почти смиренной.

Стражник фыркнул — то ли от смеха, то ли от раздражения. Постучал в дверь.

— Первая, — сказал в щель.

Ей показалось, что сердце пропустило удар. Не от страха, от внезапного, почти сладкого чувства: да, первая. Хоть где-то это слово звучит не как ругательство, а как констатация.

Она шагнула через порог.

Глава 2. Протокол

Зал допросов оказался меньше, чем представлялся внизу.

Не высокий сводчатый собор, где звук летит под потолок и падает обратно, а прямоугольная комната со слишком низкими балками, от которых пахло старым дымом. Стены — те же камни, что в тюрьме, только чище: здесь чаще мыли. Пол — гладко стёртые плиты, без соломы, без тряпок, без следов жизни. Вдоль одной стены — тяжёлый стол, похожий на алтарь, но без священности: лишь доски, скреплённые железом. Над столом — распятие, не слишком большое, но достаточно, чтобы взгляд сам туда поднимался.

За столом сидели двое писцов и инквизитор.

Писцы — серые, незапоминающиеся: одинаковые тёмные одежды, ссутуленные спины, руки, постоянно занятые пером. Они были частью мебели, как стулья и стол.

Инквизитор — напротив. Лет сорока, может, больше. Не старик, но и не юный фанатик. Лицо тонкое, с выступающим костистым носом, глаза блеклые, будто выцвели от чтения. На висках — немного седины. Впечатление ломало одно: руки. Широкие, крепкие, с заметными жилами, с крупными пальцами, которые не вязались с миром пергаментов и книг.

Он не сразу поднял взгляд. Сначала дал ей время войти. В этот промежуток Аньес успела заметить ещё несколько деталей: скамью посередине зала, без спинки; крючки на стене, на которых сейчас ничего не висело, но их присутствие само по себе напоминало о том, что иногда здесь бывает иное «расспрашивание»; кувшин с водой на краю стола, до половины пустой.

— Стань там, — кивнул стражник на место напротив стола, чуть в стороне от скамьи.

Камень под ногами был холодным. Аньес подошла и остановилась, стараясь не смотреть сразу на инквизитора. Взгляд зацепился за распятие. Лицо Того, кто там, было написано слишком правильно, слишком красиво — ни крови, ни пота, ни перекошенных от боли черт. Красиво приглаженная смерть.

— Имя, — произнёс один из писцов, не поднимая головы.

— Аньес, — ответила.

— Громче, — попросил другой.

— Аньес, — повторила, усиливая голос, так, чтобы его нельзя было списать на робость.

Стражник отступил к двери, теперь он был её спиной, а не стеной.

Инквизитор наконец поднял глаза. Взгляд его был не пронзительным, не жёстким — изучающим. Точно так же, наверное, он смотрел на старый манускрипт: от края к центру, по строкам.

— Аньес, — медленно повторил он, будто примеряя имя к своим губам. — Дочь...?

— Никого, — ответила. — Родителей уже нет. Мужа не было. Детей тоже.

Писцы торопливо шуршали перьями, достраивая к «никого» длинный ряд необходимых слов: «сирота», «не замужем», «бездетна».

Инквизитор чуть склонил голову набок.

— Никого, — переспросил он, но уже с другим оттенком. — Значит, никто не придёт просить за тебя.

Тон был ровным, не издёвка. Констатация.

— Если кто и придёт, — пожала она плечами, — то не по крови.

Слова звучали почти дерзко, но в середине этой фразы жило нечто, чего она сама не ожидала: гордость тем, что о ней будут ходатайствовать «по духу», не по родству.

Уголок губ инквизитора дрогнул — то ли от улыбки, то ли от раздражения.

— Мы здесь, — сказал он, — не для того, чтобы мерить, кто больше за кого просит. Здесь — для истины.

«Здесь — для протокола», — автоматически поправилось внутри, но вслух она этого не произнесла.

Он поднял со стола тонкий лист пергамента, уже частично

исписанный. Взгляд пробежал по строкам.

— Итак, — начал, — Аньес, проживавшая в доме таком-то, состоявшая в связи с людьми, состоящими под подозрением в ереси...

Каждое слово казалось уже прожитым без неё. Как будто её жизнь давно была записана, и сейчас он просто читает вслух текст, который время от времени нужно подтвердить.

— ...присутствовала на собраниях, где произносились речи, противные святой Церкви, и сама, как сказано, изрекала вещи, ставящие под сомнение её учение.

«Как сказано». Кем сказано? Кем записано? Она поймала себя на том, что больше интересуется этим, чем содержанием обвинений.

— Тебе понятно, в чём тебя обвиняют? — спросил он.

— В том, что я слушала и говорила, — ответила просто.

Инквизитор приподнял бровь.

— Это звучит слишком обобщённо, — заметил. — Многие слушают и говорят, и никто их не судит. Слушать — кого? Говорить — что?

— Слушать — Слово, — сказала Аньес. — Говорить — о нём.

Слишком красиво. Слишком готово. Она сама услышала в своей фразе отработанный ритм проповеди и внутренне поморщилась — но отыграть назад уже было нельзя.

— Слово... — повторил он, откинувшись на спинку стула. — Вот что интересно, дочь: каждый, кто здесь оказывается, считает, что слушал и говорил именно Слово. Все уверены, что именно их ухо настроено на истину.

— А ваше нет? — вырвалось.

Это был почти автоматический выпад. Так отвечают, когда кто-то подменяет общую форму своим содержанием.

Писцы чуть замерли, перья зависли над пергаментом. Стражник у двери кашлянул, будто напоминая: здесь принято другое.

Инквизитор не рассердился. Наоборот, в глазах его мелькнул короткий огонёк — интереса, не гнева.

— Моё ухо, — ответил он после паузы, — обязано слушать не мне. А тебе — кто велел слушать?

«Он сам», — сразу подсказала привычная фраза. Но язык споткнулся.

Сказать «Он» — значило бы встать на путь, по которому уже шли сотни: «Господь сказал мне», «Святой Дух вложил», «Голос свыше натолкнул». Эти формулы разбивались

о камень его лица, как волны о причал.

И всё же, промедлив, она сказала:

— Я слышала его голос в словах тех, кого вы называете еретиками.

Инквизитор кивнул. В этих словах не было для него ничего нового. Та же фраза, с небольшими вариациями, наверняка звучала здесь много раз.

— Вот мы и подошли к тому, что нас интересует, — произнёс он, слегка наклоняясь вперёд. — Ты утверждаешь, что слышала голос Господа там, где Церковь говорит: «опасность». Значит, считаешь, что твой слух чище, чем её.

Он сказал «чище» таким тоном, что внутри что-то болезненно откликнулось. Она действительно так считала — и наслаждалась этим.

Аньес почувствовала, как тепло поднимается к лицу. Щеки, наверное, покраснели.

— Я считаю, — медленно произнесла, — что Церковь иногда путает собственный страх с голосом Божьим.

Слова, многократно обдуманые в голове, сейчас прозвучали громче, чем хотелось. В тишине зала они повисли тяжёлой гирей.

Писцы вжались в свои рукописи. Один из них даже перехватил перо иначе, как меч. Стражник на секунду подался вперёд, но взгляд инквизитора, короткий, острый, остановил его.

— Запишите, — спокойно сказал тот, даже не оглядевшись. — «Утверждает, что Церковь путает страх с голосом Божьим».

Шуршание пера стало гуще, яростнее.

— Хорошо, — мягко добавил он, вернувшись к ней. — Это достойное обвинение. С ним можно работать.

Внутри неожиданно вспыхнуло удовлетворение. «Достойное». То есть не мелкая придирка, а серьёзный спор. Тяга к тому, чтобы суд был «по-крупному», а не из-за бытовых мелочей, подняла голову.

Он продолжил:

— Теперь давай сделаем так. Я буду задавать вопросы. Ты будешь отвечать. Но отвечать честно. Не как на исповеди, где иногда хочется казаться святее. А как перед тем, кого ты называешь своим Господом. Сможешь?

— Смогу, — ответила, не задумываясь.

— Тогда садись, — указал он на скамью посередине.

Сесть — уже уступка. Стоя легче держать позу. Сидя спина произвольно расслабляется, голова может опуститься. Скамья была жёсткой, холодной, слишком низкой: колени поднимались выше, чем привычно, словно подталкивая к позе молящегося.

Она присела. Ноги чуть разъехались по гладкому камню, пришлось крепче упереться пятками.

Инквизитор сложил руки на столе.

— Скажи, — начал он, — когда ты впервые почувствовала, что правее других?

Фраза ударила неожиданно. Вопрос не о том, где впервые услышала «ересь» или чью проповедь. Вопрос — про внутренний вкус правоты.

— Я не считаю себя правее, — рефлекторно бросила она.

Он слегка улыбнулся.

— Ты только что сказала, что Церковь путает страх с голосом Божиим. Разве не в этом утверждении живёт чувство, что видишь дальше и чище?

Она замолчала. Лгать дальше было бы слишком примитивно. Да и в глубине было неприятно: так легко он нащупал именно ту жилку, которой она гордилась — и которой стыдилась.

— Это началось... — медленно сказала, — когда я впервые услышала, как проповедует брат Жан.

Имя проскочило, как стрелка из лука. Прятать его смысла не было: оно уже есть в протоколе.

— На рынке? В доме? — уточнил инквизитор.

— В доме одной вдовы. Мы собирались, читали Писание. Он сказал...

Она замялась. Слова, которые тогда перевернули её изнутри, звучали сейчас подозрительно знакомо.

— Он сказал, — помог инквизитор, — что Господь говорит к каждому через Писание напрямую, и никакая Церковь не может встать между?

Писцы тут же начали шуршать.

— Он сказал, — поправила она, — что если Церковь встанет между, то станет идолом.

— А ты... — инквизитор чуть склонил голову, — в тот момент что почувствовала?

«Я слышала голос», — ответила бы вчера. Сейчас честность требовала уточнить.

— Я почувствовала... — язык нащупывал слова, как пальцы — трещину в камне. — Сладость. Освобождение. Как будто мне вернули то, что всегда должно было быть моим. И... — она споткнулась, но закончила, — гордость, да. Что я не такая слепая, как те, кто ходит только в храм и не слышит.

Сказав это, она ощутила, как в животе холодеет. Слишком голое признание.

Инквизитор кивнул, будто услышал подтверждение давно известного.

— Видишь, — сказал спокойно, — ты уже тогда радовалась не только Богу. Но и себе — той, которая «слышит дальше». Ты думаешь, это необычно? Нет. Почти каждый, кто сидит на этой скамье, переживал подобное.

— И вы тоже? — не удержалась.

Он усмехнулся.

— Я — в своё время, — ответил. — Но это не твой вопрос.

Его фраза скользнула по поверхности, как камешек по воде, не давая ей разглядеть глубину. Но сам факт признания задел: если он тоже когда-то чувствовал эту сладость, почему теперь сидит по другую сторону стола?

— Ты понимаешь, — продолжил он, — чем опасна эта сладость?

— Для вас? — спросила она.

— Для тебя, — спокойно поправил. — Для нас — другое. Мы держим систему. Для тебя — вопрос, кому в итоге ты начнёшь служить: Богу или собственному ощущению, что стоишь выше «обычных верующих».

Слова были точными, болезненными. В них было меньше угрозы, чем трезвости.

В груди поднялся знакомый протест:

— А разве плохо хотеть быть верной? Быстрее других?

— Верной — нет, — ответил он. — Плохо — наслаждаться самой верностью. Особенно, когда её ещё не проверяли.

Фраза ударила как пощёчина. Ей показалось, что он заглянул в неё глубже, чем многие «свои» за всю жизнь.

Губы пересохли. Язык провёл по нёбу — пусто, как в камере перед допросом.

Инквизитор жестом показал на кувшин.

— Пей, — коротко сказал.

Она удивилась — не тому, что предложил воду, а тому, что сделал это без демонстративной благосклонности. Как простой человеческий жест.

Руки потянулись. Глиняный кувшин был шершавым, прохладным. Вода в нём — обычная, не «освящённая», не «особенная». Глоток прошёл по горлу, смывая сухость. На миг стало легче.

— Запишите, — обратился он к писцам, когда она поставила кувшин. — Говорит, что почувствовала гордость, услышав проповедь брата Жана.

Перо послушно вывело чужими руками её внутреннее признание.

Часть её восставала против того, что личный, мучительно выстраданный стыд превращается в строчку протокола. Другая часть... испытывала странное удовлетворение. Теперь это не только тяготит внутри, но и зафиксировано. Как будто признание перед самим собой стало «официальным».

— А теперь, — продолжил инквизитор, — о другом.

Он перелистнул лист, открыл другой — уже с чьими-то показаниями.

— Здесь сказано, что ты называла наш суд «слепым», а тех, кто отказывается говорить правду ради жизни, — «малодушными». Ты это говорила?

Где-то в глубине вспыхнуло знакомое сопротивление: «я не так сказала». Хотелось уцепиться за точность формулировки, за оттенки. Но это было бы бегством от сути.

— Я говорила, — признала, — что те, кто отрекается только ради тела, предают душу.

— А ты, значит, не станешь отречься? — в голосе его не было угрозы, только интерес к конструкции.

— Я не хочу, — честно сказала. — И думаю, что не стану.

«Не стану» прозвучало бы горделиво. «Не хочу» — оставляло крошечную щель для честности.

— Не хочешь, — повторил он. — И в этом уже есть наслаждение. Ты чувствуешь себя выше тех, кто дрогнет на костре.

Слова легли на сердечную мышцу, как тяжёлый камень.

— А вы не считаете слабостью, когда человек отрекается?
— спросила.

Инквизитор задумчиво постучал пальцами по столу. Пальцы у него были нежесткие, но сильные. На костяшках — застарелые мозоли. Может, когда-то он тоже работал руками.

— Я считаю, — наконец сказал, — что человеку очень трудно отличить страх смерти от голоса совести. И почти все путают. Ты — в одну сторону. Они — в другую.

— А вы? — снова не удержалась.

Он чуть приподнял бровь. Такой ход беседы, похоже, немного забавлял.

— Мне нельзя, — ответил коротко. — Я сижу вот здесь.

Это «нельзя» прозвучало тяжелее, чем любое «не хочу». В нём чувствовалась не гордость, не смирение — принятие оков.

— Ты думаешь, — продолжил, уже жёстче, — что я получаю удовольствие от того, что сижу таких, как ты?

Хочешь — не хочешь, а об этом она задумывалась. Об этом говорили на собраниях: «они питаются нашим страхом», «они наслаждаются властью над нашими душами».

— Да, — честно ответила. — Думаю, что частично — да.

Его глаза на миг потемнели.

— Тогда давай я тоже буду честен, — сказал. — Первые годы, возможно, да. Власть опьяняет. Особенно, если ты веришь, что делаешь это ради Бога. Но потом... — он пожал плечами. — Потом всё превращается в ремесло. Мы читаем записи, задаём вопросы, выслушиваем одинаковые речи. Иногда мне хочется, чтобы хоть кто-то соврал по-настоящему остроумно.

Эта последняя фраза прозвучала так по-человечески, что Аньес едва не улыбнулась. Почти увидела: как он, уставший, вечером снимает мантию и шепчет кому-то в комнате: «сегодня опять было то же самое».

— Ты же знаешь, — тихо добавил он, словно между делом, — что можно было сделать всё проще. Ты могла сказать: «я была глупа, меня обманули, я раскаиваюсь». Подписать бумаги. Получить епитимью. Вернуться к жизни.

Предложение прозвучало не как милость, а как почти технический вариант.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.